

УДК 316.42

ТОМ ДЭВИС,

исследователь Бирмингемского университета (Великобритания), специализируется в области социальной и культурной географии, неформальной экономики и этнографических исследований

АБЕЛЬ ПОЛЕСЬЕ,

старший научный сотрудник Дублинского и Таллиннского университетов в сфере неформальной экономики, неформальных и альтернативных механизмов управления, теории и практики общественного развития

Неформальность и выживание в зоне ядерного поражения в Украине: существование с рисками Чернобыля¹

Аннотация

Современные исследования неформальной экономической деятельности частично перешли от монетарной к более сложной логике, встроенной в долгосрочные отношения и учитывающей нематериалистическую парадигму. Однако роль неформальности в некоторых аспектах человеческой жизни остается малоизученной. На основе результатов нашего case-study касательно Чернобыльской зоны отчуждения мы анализируем, что происходит, когда государство ограничивает соответствующие льготы и социальное обеспечение или даже

1

Благодарности: это исследование финансировалось стипендией CEELBAS и было бы невозможно без помощи Алексея Фурмана, Юлии Бондарь и многих других участников исследования в Украине. Все погрешности — наши собственные. Сотрудничество было поддержано стипендией Международного обмена научными кадрами им. Марии Кюри в рамках 7-й Рамочной программы Европейского Союза (гранты № PIRSES-GA-2011-295232 и PIRSES-GA-2012-318961). Ранняя версия этой статьи была опубликована в журнале “Journal of Eurasian Studies” [2015, 6 [1]]. Авторы выражают благодарность Анне за помощь в переводе статьи.

отказывается от предоставления их и какие механизмы, процедуры и институты создаются, чтобы это компенсировать. Мы полагаем, что в условиях фактического отказа государства от обеспечения всеобщего благосостояния (welfare) и отсутствия частного сектора как альтернативы множество операций и акторов могут восполнить это, заменяя данные формы обеспечения неформальными. В частности, неформальные, локальные и неофициальные знания о зонах ядерного поражения имеют ключевое значение для выживания в этой маргинальной и небезопасной среде.

Ключевые слова: Чернобыль, постсоциализм, неформальная экономика, Украина, социальное государство

Вступление

В постсоциалистических пространствах, в тени неоновых признаков маркетизации неформальная экономика остается общепризнанной и жизнеспособной, но в значительной степени “невидимой”. Кроме более заметных уличных торговцев и т.п., основная неформальная деятельность — по целому ряду причин — происходит вне “паноптического взгляда” государства [Foucault, 1977]. На первый взгляд невидимая по своей природе, эта экономика получила ряд названий — от “теневой” до “подпольной”, от “скрытой” до “черной”. Лежащее в основе допущение, что неформальная деятельность невидима, что она происходит в “иных мирах” [Gibson-Graham, 2008: p. 1], часто противопоставляется экономике Запада, где, как предполагается, видимость экономики обеспечивается проникновением рыночных сил почти во все сферы современного общества [Happ, 2009]. Об этом много сказано в литературе о социальной трансформации, начиная с Поланьи [Polanyi, 1944]; или сторонников девелопменталистских подходов, которые предполагают соотнесение новых развивающихся государств со стандартами, установленными в промышленно развитых странах [Haller, 2005].

В ожесточенной битве на поле постсоциализма зарождается школа мысли, которая допускает, что путь этих стран больше не будет подчиняться неолиберальной идее “перехода” из *A* в *B*, прочерченного в соответствии с принятой в Вашингтоне картографией, как “единый размер для всех”; что на самом деле “пути” не существует [Ledeneva, 2006; Stenning, 2005]. Такие механизмы адаптации, как неофициальная работа [Stenning, 2005], экономика кредитов [Pavlovskaya, 2004], “социальное признание” [Morris, 2011: p. 629], “обмен дарами” [Mauss, 2002; Polese, 2014a], социальные/родственные связи [Lonkila, 1997], не просто помогали управлять постсоветской “повседневностью” [Sasunkievich, 2014]. Было указано также — что, возможно, более важно — на существование стойкой и полноценной системы, где “неформальность пришла, чтобы остаться” [Morris, 2014b: p. 1]. Все большее количество исследований, направленных изначально на узкие и эмпирические кейс-стади, не обещающие выхода к нормативной или универсальной ценности для дальнейшего изучения, наряду с их прогрессирующей теоретической обоснованностью свидетельствуют о социальной значимости, стойкости и размахе неформальной деятельности [Morris, 2014a]. Действительно, такие формы поведения являются настолько распространенными, что

можно было бы спокойно рассматривать “формальность” как исключение, а “неформальность” — как правило [Routh, 2011: p. 212].

Исследования неформальности быстро вышли за изначальные рамки, когда речь шла об истоках неформальной экономики [Hart, 1973] или сопротивлении [Scott, 1984] в бедности, о маргинальности и исключенности [Gupta, 1995]. Новые направления в изучении неформальности исходят из предположения, что она является довольно значимым явлением и в более богатых странах, включая промышленно развитые [Williams, 2011]; при этом выгоду от нее получают в равной мере и победители, и проигравшие от перехода [Morris, 2015; Polese, 2014b], в том числе в политической сфере [Isaacs, 2013]. Во многих отношениях, неформальная деятельность может рассматриваться как дополнение к формальным процессам и, в соответствии с логикой рынка, занимать нишу, которая пустует из-за ограниченных возможностей формальной сферы [Polese, 2014].

Неформальность и благосостояние

Традиционно вопрос приватизации был важной проблемой для экономистов и специалистов в области общественной политики. Однако научное сообщество часто пренебрегает “серыми” случаями, хотя они довольно часто встречаются. Если мы предполагаем, что экономическая и социальная жизнь государства разделена между двумя или, в некоторых случаях, тремя основными силами (см. рис. 2), можно представить три ситуации, которые были недостаточно отражены в науке (рис. 1).

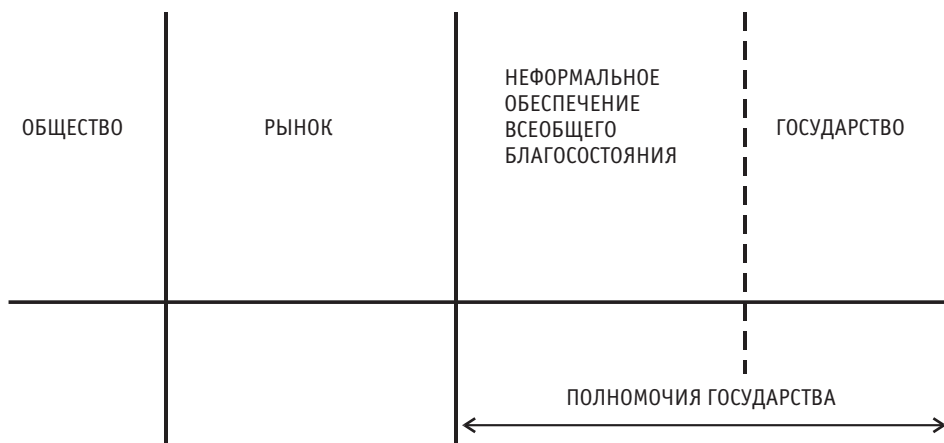

Рис. 1. Неформальное обеспечение всеобщего благосостояния заполняет пробел между тем, что обеспечивает государство, и рынком, занимая пространство, не охваченное фактической государственной защитой, и формируя “серую зону неформального благосостояния” [Polese et al., 2014]

Первая ситуация — это переход от государственных служб к частным. Если государство решает приватизировать определенную услугу — полностью или частично, то не исключено, что с завершением процесса приватизации новая система будет работать лучше, чем предшествующая ей государственная. Однако период адаптации, во время которого могут проявиться

перебои в обеспечении, иногда длится достаточно долго, чтобы просто считаться “переходом”. Например, некоторые сферы компетенции могут оставаться “непокрытыми”, поскольку и государство, и частный сектор полагают, что это сфера ответственности другой стороны. Во *второй ситуации* обнаруживается разрыв между обещанной услугой и способом ее предоставления. Иногда это происходит просто в силу бюрократических нюансов, когда потребность определена, деньги для ее удовлетворения выделены, но нельзя без подписей, и требуются годы, чтобы преодолеть все препятствия для надлежащей реализации задачи. Впрочем, это может быть связано и с *третьей ситуацией*, когда государство не способно решить поставленный вопрос и просто выходит из игры (или же так и не вступает в нее). Это случается, когда предоставление услуги стоит слишком дорого или же недостает заинтересованности и осознания необходимости реагировать на определенную потребность. Кейс-стади в этой статье наиболее тесно касается последних двух сценариев (таб.).

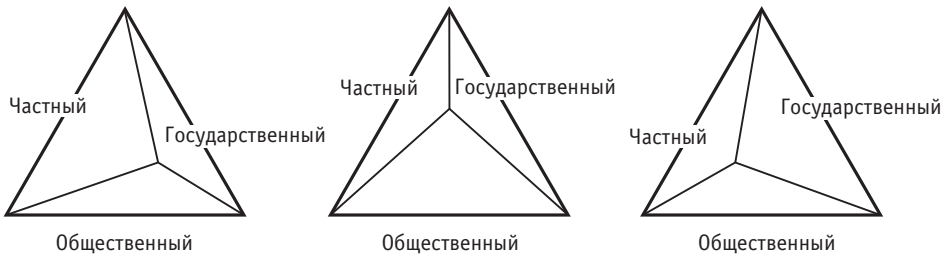

Рис. 2. Взаимодополняемость компетенции частного, государственного и общественного секторов

Таблица

Причины и возможные последствия неэффективности системы всеобщего благосостояния

Причины неэффективности	Причины возникновения	Возможные последствия
Переходный период	Адаптационный период; дыры в системе	Неформальные экономические и социальные практики
Разрыв между службами	Неспособность определить потребность; Бюрократические препятствия в финансировании	Неформальные практики; возможность контроля определенных аспектов организованной преступностью
Государство “выходит” из игры	Услуга слишком дорого обходится; Недостаток осознания или давления для формирования социальной потребности	Организованная преступность, мафиозные структуры заменяют государство; развивается определенная неформальная экономика

Во всех трех случаях население может оказаться или же почувствовать себя “покинутым”, потому что доступ его ко всеобщему благосостоянию

либо ограничен, либо вообще отсутствует. Приватизация в некоторых случаях предлагает свое решение, но она вызывает и ряд вопросов. Что произойдет, если частный сектор предоставит услугу по цене, слишком высокой для значительной части населения? Что произойдет, если частный сектор сочтет эту нишу невыгодной и определенная социальная услуга не будет предоставлена?

Мы начинаем с вопроса о том, что происходит, когда государство “уходит” из конкретной географической зоны или воздерживается от предоставления там услуг, а также какие механизмы, процедуры и институты создаются, чтобы компенсировать это. Мы полагаем, что в условиях отсутствия ответственного субъекта, будь то государство или частный сектор, услуга, в которой нуждается определенная часть населения, может в конечном итоге предоставляться неофициально. Для этого в статье анализируется ситуация в зоне Чернобыля в северо-центральной части Украины в качестве примера, позволяющего отследить, как де-факто отсутствие так называемого государства всеобщего благосостояния приводит к созданию местных неформальных рынков и неформальной экономической деятельности. В Чернобыльской зоне исключенные и оставленные государством люди создали совокупность неформальных механизмов, независимых от государства. В то время как Харбоэ [Harboe, 2013] описала жизнь “невидимых граждан”, которые избегают формальных институционализированных отношений с государством из-за общего скептицизма по отношению к различным госучреждениям, в нашем случае государство само принимает решение о разрыве взаимоотношений. Хотя небольшие ежемесячные пенсии, скромная продовольственная помощь и разрешение на проживание на данной территории можно трактовать как доказательство того, что государство “не забыло” о своем населении, на самом деле размер выплат по сравнению с остальной частью страны показывает, что государство проявляет заботу в данном случае лишь номинально, не проводя никакого различия между теми, кто получает небольшую помощь, и теми, кто не получает вообще ничего. Постчернобыльское украинское государство создает систему обеспечения всеобщего благосостояния на подобие “потемкинской деревни” — сложное переплетение де-юре прав и де-факто отсутствия государства в реальной жизни.

Признавая, что формальную и неформальную деятельность можно рассматривать в рамках “разноцветного” [Smith, 2006] спектра, мы также полагаем, что неформальная деятельность может играть роль линзы для рассмотрения более общих вопросов, например, того, как люди используют неформальность для компенсации уязвимого статуса своей постядерной “голой жизни”. Неформальная деятельность вокруг Чернобыля, часто осуществляемая с помощью локальных знаний и неофициального понимания зоны ядерного поражения, развивает механизмы неформального обеспечения в данной зоне всеобщего благосостояния, которые заменяют или дополняют неудовлетворительную государственную систему.

Предлагаемое исследование основывается на длительной этнографической работе в поле, проведенной в период между 2010 и 2013 годом в граничащей с Чернобылем области в нескольких часах езды от Киева на маршрутке. Продукты питания и такие товары, как металлолом, попадают из Зоны отчуждения и ближайших территорий на неформальные рынки в местных городах, в том числе и в столицу, связывая Чернобыльские земли с

остальной частью Украины, вовлекая через неформальные каналы поставок формальные бизнес-структуры. Этнографические методы были использованы в рамках более чем ста полуструктурированных и неформальных интервью с местными жителями, пограничниками, бывшими ликвидаторами, собирателями лома, вахтерами, возвращенцами и местными элитами. Среди других ключевых инструментов исследования активно использовалось включенное наблюдение и визуальная методология, в том числе включенная фотография, описанная в статье Т.Дэвиса “Визуальная география Чернобыля” [Davies, 2013]. Учитывая чувствительность материала, имена всех участников не публикуются и вся информация, потенциально опасная для участников, опущена.

Структура и агентность в спорах о неформальности

С момента первого упоминания “неформальной экономики” в работе К.Харта [Hart, 1973] дебаты о неформальности расширились благодаря значительному числу эмпирических и теоретических исследований, посвященных природе и разнообразию альтернативной, неформальной и разноплановой экономики. И модернисты, и традиционалисты склонны объяснять существование неформальной экономики и связанных с ней явлений (неофициальной занятости, незадекларированной деятельности и т.п.) как проистекающих, в большой мере, из структуры. Согласно их позиции, неформальность появляется в результате временных или переходных методов адаптации на пути к модернизации, которые исчезают после того, как страна или сектор завершают модернизацию [Geertz, 1963]. Приверженцы структурной точки зрения, в той или иной степени, разделяют убеждение, что неформальная деятельность — скорее вынужденная необходимость, а не осознанный выбор. Их позиция основывается на идее, что неформальная экономическая деятельность более характерна и важна для тех экономических систем, где государство не в состоянии защитить своих граждан от социальных рисков, что вынуждает часть населения трудоустроиваться неофициально или заниматься незарегистрированной экономической деятельностью [Амджадин, 2006; Davis, 2006; Gallin, 2001]. В обоих случаях основная идея заключается в том, что в неформальных операциях участвует главным образом маргинализированное население из-за отсутствия альтернативных вариантов [Hudson, 2005].

Обе позиции делают акцент на структуре, идет ли речь об экономических и институциональных рамках, или о взаимодействии экономических и административных субъектов, в котором определяются и регулируются условия их деятельностью. Возникающие иногда исключения, по мнению некоторых критиков капитализма, объясняются отсутствием потребности в содержании резервной трудовой армии или отсутствием желания функционировать как государство всеобщего благосостояния для тех, кто официально исключен из экономической жизни страны [Hudson, 2005]. Это приводит исследователей к мнению, что неформальная деятельность осуществляется в основном вынужденно, чтобы выжить, в условиях, когда крупные субъекты желают снизить свои затраты и увеличить прибыль [Bender, 2004], что не оставляет “простым” людям альтернатив.

В отличие от описанной выше точки зрения, сторонники нелиберального, ультралиберального и иногда бихевиористского подходов [Gaal, 2004] утверждают, что неучастие и неприсоединение к экономической системе являются вопросом выбора. Низкий уровень участия в формальной экономической жизни не спровоцирован исключительно всеобъемлющей системой, а в значительной степени зависит от того, что люди самостоятельно выбирают не быть частью системы, которой они не доверяют или которая, как они полагают, приносит им больше вреда, чем пользы.

Однако монетарно-центристский подход был оспорен в ряде работ в разных дисциплинах. В частности, влияние феминизма, новой институционалистской экономики и критических эмпирических исследований изменило понимание роли денег в социально-экономических системах, открыв относительно новую точку зрения, рассматривающую монетарные и финансовые переходы как социально обусловленные [Chakrabarty, 2000; Gibson-Graham, 2008]. Некоторые исследователи настаивали, что подобные операции основываются на отношениях по работе или в кругу друзей, родственников и знакомых [Smith, 2006]. Другие исследования сосредоточивались на социальных отношениях и мотивах перераспределения [Williams, 2005]. Подобные постструктуралистские взгляды оказались хорошим междисциплинарным синтезом (см., например: [Gurtoo, 2009; Maloney, 2004]) между академическим изучением рынка и экономической логики как довлеющей над всем остальным, с одной стороны, и точкой зрения тех, кто не видит явной экономической логики в каждой социальной и социетальной операции [Gudman, 2001].

Наша статья отталкивается от такой точки зрения и исследует значение операций, предполагающих логику, выходящую за рамки сугубо экономической, подчиненной собственным интересам и максимизации выгоды. Мы не отрицаем экономической выгоды от неформальных операций и их значения для выживания большинства вовлеченных сторон. Однако мы считаем, что экономические обоснования встроены в более широкие рамки, предполагающие в первую очередь логику долгосрочных отношений, взаимодействия и включенности в экономическую и социальную жизнь. Мы опираемся тут на растущее количество литературы по антропологии, касающейся обмена услугами в разных регионах мира [Ledeneva, 2006; Tlaiss, 2011], а также на понимание социального и культурного значения экономического и социального обмена, на которое указывали Перри и Блок [Parry, 1989] в контексте безвозмездных подарков и символической функции денег, что обуславливается культурой и в социальном, и в экономическом плане (подробнее см.: [Parry, 1989; Polese, 2014a]). Мы также основываемся на работах, рассматривающих неформальные операции в плане построения респектабельности, иерархий и статуса, которые упрочивают или подрывают социальный символический порядок сообщества и общества в целом. Как утверждал Уайт (1994), вполне вероятно, что социальные и экономические отношения станут настолько встроенными друг в друга, что будут неразличимы, так как “деньги делают нас родственниками”.

Эти предпосылки позволяют нам посмотреть с постструктуралистской перспективы, выходящей за рамки логики выживания, которая иногда доминирует в научных трудах. Мы прослеживаем, как социальные и экономические функции неформальных операций создают систему перераспреде-

ния, которая генерирует, распределяет и создает условия для обмена благами, и как эта система балансирует между экономической выгодой и формированием социальных отношений и социальных фактов.

Чернобыль

Хотя большинство исследований по Чернобылю до сих пор проводилось в рамках точных или естественных наук, недавно тема Чернобыля приобрела популярность в таких социальных науках, как социально-экономическая география (human geography) [Davies, 2013, 2015; Rush-Cooper, 2013], антропология [Petryna, 2011; Phillips, 2005, 2012], социология [Kuchinskaya, 2014], история [Kalmbach, 2013], исследования туризма [Goatcher, 2011; Stone, 2013] и визуальные исследования [Bürkner, 2014]. Этих исследователей объединяет осознание того, что Чернобыльская катастрофа имеет множество интерпретаций и реалий, с противоречивыми последствиями как внутри, так и за пределами постсоциалистического пространства. Для некоторых ядерная катастрофа 1986 года стала воплощением конца советской эпохи — и в том смысле, что сама авария подтолкнула к внезапному краху внутренне уязвимой советской системы [Van der Veen, 2013], и в том, что Зона отчуждения сегодня стала замороженным микрокосмом позднесоветской повседневности [Davies, 2013]. Для огромного количества людей Чернобыль остается постоянно длящейся катастрофой. Ее последствия выходят за рамки непостижимого числа погибших и существуют вне границ официальных зон ядерного поражения, проникая во многие социальные, психологические и экономические аспекты повседневной жизни.

Анриана Петрына [Petryna, 2004: p. 263] описывает, как после Чернобыля появилась новая “неформальная экономика диагнозов и выплат”. В мире, где радиационный риск является невидимым для непрофессионального ока, начинают всплывать неформальные методы преодоления технологического неведения. Врачи получали взятки не просто для льготного медицинского лечения, но и для установления более вознаграждаемого в финансовом плане чернобыльского статуса инвалидности. Больницы и другие учреждения здравоохранения являются хорошо изученными аренами неформального обмена [Morris, 2014b; Stepurko, 2013; et al.], но Чернобыль создал ситуацию, когда весь биополитический статус индивида может быть обретен или потерян благодаря конверту. Новые формы “биогражданства” [Petryna, 2002], появившиеся в Чернобыле, где более серьезная группа инвалидности давала больше социальных льгот, означали, что биология индивида стала биокапиталом для неформальной торговли внутри государственной системы здравоохранения; “голая жизнь” [Agamben, 1998] может быть неформально пересмотрена.

Тут — подобно другим современным пространствам исключения (spaces of exception), описанным Джорджем Агамбеном [Agamben, 2005], таким как нацистские концентрационные лагеря или залив Гуантанамо — некоторые люди находятся вне защиты закона, и им дозволена “смерть без последствий” [Doty, 2011: p. 610]. Мы последуем призывам социальных географов “вывести Агамбена за пределы поля боя” [Laurie, 2014] и будем использовать его парадигму по отношению к зоне ядерного поражения Чернобыля. Мы считаем, что в Чернобыле перманентное чрезвычайное положение об-

условлено географически посредством создания (и функционирования) ядерных “зон отчуждения” и управления ими со стороны Министерства чрезвычайных ситуаций Украины, чем обеспечивается непрерывность чрезвычайного положения. Таким образом, проживающих на пострадавших от Чернобыльской аварии территориях можно классифицировать в терминах “голой жизни” [Agamben, 1998]; они существуют вне закона, оставлены на произвол судьбы без обеспечения надлежащего благосостояния и защитных механизмов денежных пособий; их потенциально пораженные организмы выведены за рамки ответственности государства, тем самым их подталкивают к скрытому насилию отказа. Жить на пораженной территории означает жить вне защиты закона.

Чернобыльская система всеобщего благосостояния

После провозглашения независимости Украины в 1991 году бремя ответственности за Чернобыль перешло от СССР к Украине, что сделало ее одной из наименее желанных и наиболее токсичных наследниц советского распада. Поначалу новая независимая Украина увеличила размер социальных выплат и обеспечения, чтобы в общественном и политическом плане дистанцироваться от предыдущего советского руководства, но в последнее время развивается новый подход в отношении к Чернобылю. В 2010 году Министерство по вопросам чрезвычайных ситуаций и по делам защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы было заменено более лаконичной Государственной службой по чрезвычайным ситуациям¹. Опускание отсылки к “Чернобылю” имело не просто семантический смысл, но являлось частью более широкого изменения внутри Украины и за ее пределами, направленного на переобозначение образа катастрофы — уже не как постоянного процесса, а как ограниченного и фиксированного события эпохи позднего социализма. Это изменение предшествует строительству “Укрытия — 2” (New Safe Confinement), которое финансирует Европейский Союз; огромное сооружение должно накрыть печально известный 4-й энергоблок ЧАЭС им. Ленина и тем самым попытаться физически и символически “положить конец” Чернобылю как событию.

Чернобыльская система всеобщего благосостояния также постоянно находится под угрозой пересмотра сменяющимися друг друга режимами в Киеве, что часто вызывает протесты среди ликвидаторов и других жертв аварии на Чернобыльской АЭС (“чернобыльцев”). В ситуации, когда 5–8% годового бюджета Украины идет на постчернобыльское администрирование [Амджадин, 2006; Danzer, 2014; Oughton, 2009], не удивительно, что Киев пытается переосмыслить катастрофу, переходя от открытого вопроса к географически и темпорально закрытой “определенности” позднесоветской истории. Это изменение в администрировании Чернобыля последовало за обращениями Международного банка, по мнению которого обеспечение всеобщего благосостояния применительно к Чернобылю является “мертвым грузом” для проблемной экономики Украины [Petruņa, 2011]; популярность этой политиче-

1

Это министерство было вновь переименовано в 2012 году в аналогично краткое название “Министерство чрезвычайных ситуаций Украины”, и ссылка на “Чернобыль” снова отсутствовала.

ской позиции несомненно возрастет в силу отчаянного положения Украины после Евромайдана и строгих условий кредитов от МВФ [Davies, 2014].

В отличие от других сфер государственной защиты в постсоветском пространстве, разросшаяся и недофинансированная чернобыльская система всеобщего благосостояния никак не привлекательна для частного сектора. Вернемся к рисунку 1: в юридическом плане обеспечение всеобщего благосостояния полностью осталось в пределах компетенции государства, но в действительности брешь, созданную государством, пришлось заполнить неформальной деятельностью. Если государство сократит чернобыльскую систему всеобщего благосостояния и пособий, которая уже не справляется с защитой своих граждан, еще больше возрастет необходимость обращения к неформальным механизмам в тех моментах, где система не справляется, чтобы предотвратить последствия фактического отказа со стороны государства. Поскольку население Чернобыля сталкивается с двойной проблемой — радиоактивным загрязнением на фоне неудовлетворительного администрирования [Davies, 2013: p. 116], оно все больше полагается на неформальные механизмы, чтобы нарушить свой статус постядерной “голой жизни”. По сути, Чернобыль не является чем-то исключительным. Эти весьма аномальные отношения между населением определенной территории и государством всеобщего благосостояния, несмотря на их уникальность, являются репрезентативным элементом более всеохватывающего уклонения государства.

Продовольствие и всеобщее благосостояние

Более 2,15 млн человек в Украине проживают на территориях, официально признанных загрязненными в результате Чернобыльской аварии [Министерство чрезвычайных ситуаций Украины, 2011: с. 42], что составляет около 4% населения Украины [Государственный комитет статистики Украины, 2004]¹. Те, кто проживает на этих загрязненных территориях, имеют право на ежемесячные выплаты, предназначенные для облегчения доступа к чистой еде и, таким образом, снижения риска потребления продуктов, выращенных в загрязненной почве. Однако реальные практики этой системы всеобщего благосостояния существенно отличаются от задуманного, как это демонстрирует приведенный ниже этнографический набросок (ethnographic vignette).

Для Богдана — бывшего ликвидатора — и его жены Клары неформальная экономическая деятельность имеет жизненно важное значение, поскольку она дополняет их небольшой официальный доход и очень скромное пособие, которые они получают в качестве компенсации как проживающие рядом с Чернобылем. В 2008 году Богдан был уволен с должности водителя после ссоры с начальником из-за недоплаты за две недели работы. Его жена Клара, которая теперь является основной кормилицей, работает на двух работах — поваром в школьной столовой и сиделкой — и получает около \$230 в месяц. Их совокупного официального дохода не достаточно, чтобы прожить. Помимо этого, как объясняет Клара: “Правительство выплачивает нам ежемесячно 2 грн 10 коп. для покупки чистой продовольственной продукции”. Многие

1

Эти статистические данные были получены до аннексии Крыма в 2014 и продолжающегося кризиса на востоке Украины.

участники исследования жаловались на крайне низкий уровень чернобыльского продовольственного пособия, который составляет от 1,6 грн в месяц для районов, менее пострадавших от радиации, до 2,1 грн, как в случае Богдана и Клары, для тех, кто живет в условиях, где зафиксирован более высокий уровень радиации. На момент написания статьи эта сумма равняется 13–16 центам в месяц — практически бесполезная сумма в контексте Украины, где цены на продукты питания сопоставимы с Великобританией. Как риторически продолжала Клара: “Что, черт возьми, мы можем купить на это?”

Хотя некоторые социальные выплаты в Украине, такие как пенсии или пособия по инвалидности, “периодически корректируются с учетом изменений средней заработной платы и инфляции” [SSPTW, 2012: р. 307], этого не происходило в случае чернобыльского продовольственного пособия, которое — как объяснил украинский дипломат во время интервью — “зафиксировано с начала 1990-х”. Как таковой этот угнетающе низкий размер пособия служит только для обозначения территории как радиоактивно зараженной, но абсолютно не влияет на решение проблемы. Это усиливает реальность загрязнения, напоминая об этом людям ежемесячно, когда они получают свое пособие, но не предоставляет фактической помощи. Этот пример несостоятельности системы всеобщего благосостояния в Украине можно рассматривать как форму “невидимого насилия” [Gilbert, 2013], когда люди предоставлены “голой жизни” через неадекватные размеры пособий и фактическое уклонение со стороны государства. Подобный процесс управления Чернобылем создает жизни, которые могут закончиться без последствий — не убивая их, но и не защищая от радиации, успешно “поддерживая жизнь через состояние поражения” (Mbembe, 2003). “Мы бы даже не смогли купить на это хлеб”, — пожаловался Богдан, высказывая мнение, разделяемое многими жителями стигматизированного “ландшафта угрозы” [Parkhill, 2013: р. 1].

Как и в случае других постсоциалистических сельских территорий, самообеспечение является важной стратегией выживания в постядерном контексте экономической и экологической нестабильности. Ирония сломанной чернобыльской системы всеобщего благосостояния заключается в том, что большое количество продуктов, которые потребляют жители зон загрязнения, они выращивают сами на земле, от которой их должно защищать пособие. В условиях отсутствия государства многие люди в этой зоне ядерного поражения создали другие механизмы социальной защиты, не зависящие от государственной системы — неформальную деятельность, неофициальное понимание радиационного риска и социальные сети.

Стоя в небольшом сарае, всего в нескольких километрах от забора Зоны отчуждения, Богдан объяснял, как он собирается обменяться лишними мешками картофеля с членами своей социальной сети, живущими по соседству: “У меня нет денег, чтобы заплатить им, только картофель. Если бы у меня были деньги, я бы заплатил”. Картофель хранится в подвале деревянной пристройки, где он и Клара держат скот: три свиньи и корову — их куры бродят по двору. Их небольшое хозяйство напоминает другие наделы земли в регионе возле Чернобыля, более похожие на “приусадебные участки” [Czegledy, 2002: р. 203], чем на фермы. Официальная работа и уход за своими престарелыми родственниками, живущими поблизости, оставляют мало времени для выращивания дополнительного урожая на продажу. В небольшом прохладном погребе, над горой собранного в конце лета картофеля, на

полках стоят выращенные или собранные продукты, законсервированные в больших банках. Лук, помидоры, грибы, свекла, ягоды, огурцы и множество других фруктов и овощей, закрытых в стекле. Хотя это обычная и банальная картина для всех, кто знаком с постсоветской сельской и городской жизнью, в данном случае она отличается тем, что потребление радиации “через пищевые продукты — особенно для тех, кто живет рядом с Чернобылем — практически неизбежно” [Phillips, 2005: р. 288]. Тем не менее эти собранные с трудом продукты питания в погребе Богдана, по крайней мере для него, не являются зараженными радиацией.

Если этот пример что-нибудь демонстрирует, то не скрытую угрозу от загрязнения, а месяцы тяжелого труда, которые понадобились, чтобы наладить питание на таком уровне; домашнее производство еды в Украине не стоит слишком романтизировать. Как и другие формы неформальности, самостоятельно выращенные и собранные продукты являются проявлением агентности — незначительной победой над неопределенностью бедности, каждая банка консерваций — это “экономическая подушка” [Czegledy, 2002: р. 209], которая существует вне формальной экономики и несостоятельной системы всеобщего благосостояния.

Широкомасштабная постсоциалистическая маргинализация привела к тому, что множество украинцев “вынуждены больше беспокоиться о наличии еды на столе, чем об “экологическом состоянии” этой еды” [Phillips, 2005: р. 288]. Как объяснила одна пожилая женщина, проживающая на границе Зоны отчуждения, в замешательстве и хаосе после Чернобыля, ей сказали не употреблять такие продукты, как ягоды, грибы, местное молоко, но: “Если не есть и не пить все, что они говорят, не будет энергии даже ноги передвигать... совсем не будет сил ноги передвигать...”

В результате фактического отсутствия официальной системы всеобщего благосостояния многие люди продолжают вовлекаться в рискованные и неформальные практики питания, нормированные и усиленные местными социальными сетями. Богдан отнес картофель своему другу, который сидел в лодке возле самой границы Зоны отчуждения. Невидимые с дороги, между огородом и высокими камышами, носящими название Припятские болота, около тридцати мужчин энергично скручивали рыболовные сети, чинили лодки, ремонтировали бортовой мотор и вытягивали утренний улов. Количество и размер рыбы указывали, что это не просто “растущая коммерциализация сельскохозяйственной продукции” [Pallot, 2003: р. 47], но и часть более обширной индустрии неформальной (и формальной) деятельности, которая имеет место в этих пограничных районах ядерного поражения. Полуразвалившиеся бетонные знаки предупреждают “Вылов рыбы строго запрещен”, поскольку местная река проходит мимо “наиболее зараженного водного резервуара в Чернобыльской зоне” [Kryshev, 1995: р. 217]. Неопределенный и эфемерный характер этой реки, текущей через Зону отчуждения, добавляет еще один уровень лиминальности и без того нечетким ядерным границам. Невозможно проследить конечный пункт назначения этой запрещенной рыбы с помощью подхода “вслед за вещью” (“follow the thing’ approach”) [Cook, 2004], а респонденты высказывали предположения, что рыба будет продана в таких городах, как Киев, а не только обменена внутри местных социальных сетей — большое количество рыбы, выловленной огромными сетями, неизбежно предполагает денежный эффект. Экологи-

чески опасные продукты питания из закрытых зон — грибы, дичь, ягоды и рыба — попадают в систему производства и сбыта продовольственной продукции благодаря различным видам неформальной деятельности, в том числе пересекая официальные границы Зоны отчуждения [Davies, 2011].

Неформальное понимание риска

Неуверенность в радиологической безопасности, а также экономическая нестабильность и отсутствие адекватной социальной поддержки порождают неформальное понимание радиационного риска в сообществах вокруг Чернобыля. Такое неофициальное восприятие ядерной опасности стало средством коллективной социальной защиты, что позволяет исключенным сообществам действовать за пределами ядерных ограничений и правил Зоны отчуждения. Акт обмена картофеля, выращенного на земле возле Чернобыля, на рыбу, незаконно выловленную в Зоне отчуждения, основывается на коллективном осознании риска, который укрепляет и отражает неформальное понимание радиации и способы смягчения проблемы отсутствия социального обеспечения. Таким образом, исключенное и покинутое население Чернобыля создало новые механизмы социальной защиты, не зависящие от (не)способности государства обеспечить “чистые продукты питания”, посредством коллективного и неформального переосмысления понятия “чистые”. Новые “социальные факты” относительно радиационного риска проявляются и усиливаются через небезопасные практики питания и неформальные занятия. Это не отрицает того, что потребление небезопасных продуктов вызвано необходимостью (наличием небольшого выбора на практике), но такое поведение также нормализуется и укрепляется и пересматривается и на основании местного и внутреннего понимания радиационного риска, которое складывается и воспроизводится неформально через социальные сети.

Например, во время разговора о еде одна мать, живущая рядом с загрязненным пространством Зоны, сравнила выращенные (и собранные) ею продукты с магазинными: “Все, что вы покупаете, полно химии и ГМО. Я знаю, что это мои продукты, потому знаю, что они абсолютно натуральные”.

Как и многое другое в этом регионе, мнение, что выращенная и собранная в домашних условиях еда безопасна, идет вразрез с более широким убеждением, что чернобыльская радиация смертельна. “Знать” продукты питания — значит вырастить их самостоятельно, собственный труд на земле обеспечивает их безопасность. “Почему мы должны бояться выращивать свое? — продолжает она. — Земля-то наша”. Другие полагаются на местные неформальные знания, объясняя, как они определили поля, на которых не стоит садить, потому что там вырос черный картофель, как они полагают, из-за радиации.

Неформальное понимание риска существует в тандеме с “нормальной” неформальной экономической деятельностью, хорошо описанной в других работах [Morris, 2015]; это добавляет еще один уровень сопротивления игнорированию со стороны государства и реальным условиям “голой жизни”. Коллективное осознание риска, на котором строятся эти практики и которое нормализует ежедневные неформальные занятия в Чернобыльской зоне, позволяет людям проживать в местности, где государство не выполняет своих обязанностей в сфере обеспечения всеобщего благосостояния.

Отказ от всеобщего благосостояния и принятие места

Одной из основных услуг социального обеспечения для населения, пострадавшего в результате Чернобыльской катастрофы, является возможность переселения в незараженную местность. Более 350 тыс. людей были принудительно выселены из “Зоны обязательного отселения” [Министерство чрезвычайных ситуаций Украины, 2012]. Те, кто до сих пор проживает в сильно загрязненных районах, за пределами Зоны отчуждения в Украине имеют возможность — по крайней мере теоретически — добровольно переселиться с помощью государства. В реальности, однако, многие люди отказываются от этой услуги социального обеспечения. Частично это можно объяснить длинными очередями на получение альтернативного жилья, которые синонимичны унаследованным от СССР системам всеобщего благосостояния [Gentile, 2013]. Кроме того, люди отказываются от социальной системы переселения из-за собственной зависимости от неформальности, которая связывает людей с местностью. Как мы это понимаем, возможность неформальной деятельности и социальные сети, от которых неформальность зависит и которые она воспроизводит, является основным фактором нежелания людей покидать собственное место обитания, в том числе и зоны ядерного поражения Чернобыля. Это можно проследить в этнографическом наброске, который продолжает историю о том, как Богдан обменивал рыбу на реке.

“Все мужчины, кого вы видели, — преступники. Это незаконно ловить там рыбу. И они опасны, — сказал Богдан вечером за миской супа из полученной в обмен рыбы, — но я их не боюсь”.

Высокого уровня радиации, который мог быть обнаружен в еде, он также не боится. Богдан поддерживает контакт с большим количеством людей, его обширная социальная сеть имеет важное значение для стратегии бытового выживания, позволяя ему варьировать между формальным и неформальным. На вопрос, хотел ли он когда-либо уехать жить в другое, менее зараженное, место, он ответил, что для его здоровья будет хуже переселиться из знакомой ему местности: “...большинство тех, кто переехал, умерли в скором времени, потому что они не прижились в новом окружении... когда они уезжали в одиночку, они умирали от стресса”.

Это мнение широко распространено среди проживающих в регионе: лучше жить с невидимой угрозой радиации, чем рисковать ощутимой реальностью разрушения социальных сетей и неформальных методов выживания и обмена. Подобная точка зрения основывается не на вере в безопасность Чернобыля — на самом деле каждый респондент говорил о личном опыте утраты и трагедии, связанных с аварией. Скорее, речь идет о понимании того, что альтернатива была бы гораздо хуже.

Значение, которое здесь придают неформальной деятельности, — даже в таких экстремальных условиях — говорит о важности неформальности для всей Украины в целом и для многих других сфер жизнедеятельности в пост-социалистическом пространстве. Даже на границе Зоны отчуждения, где из-за радиационного риска неформальная деятельность является небезопасной, возможность действовать неформально имеет большое значение для местных жителей. Возможность использовать социальные сети, неформальную деятельность и местные знания для выживания вне формальной экономики и за пределами или рядом с системой всеобщего благосостояния

понимается как нечто более важное, чем возможность снизить риск заражения. Тут имеются параллели с предыдущими исследованиями таких крайне маргинализированных районов бывшего Советского Союза, как Магадан на Дальнем Востоке. В этом случае бывшие заключенные ГУЛАГа, проживающие в чрезвычайно сложных климатических и экономических условиях, отказались от переселения в более благоприятные районы из-за риска разрушения социальных сетей и неформальных тактик выживания, от которых они полностью зависели [Round, 2006].

Для постороннего наблюдателя пограничье ядерного поражения вокруг Чернобыля является анти-“терапевтическим пейзажем” [Gesler, 2002: р. 132]. Однако для маргинализированных индивидов, которые способны переустроить повседневную жизнь, расшатывая “пограничные процессы” [Newman, 2006], а также через социальные сети и неформальную экономическую деятельность, риск радиационного заражения являет меньшую угрозу, чем переезд в другое место.

Доверие к местному знанию ландшафта и к социальным сетям придает неформальную привлекательность месту, которое выходит за рамки официального естественнонаучного знания о месте и радиационном риске. Неформальность привязанности к месту является ресурсом, который создает пространство, где государство может быть вытеснено местным знанием. В этом случае происходит отказ от государственного социального обеспечения (например, от переселения) в пользу сохранения неформальной деятельности и усиления социальной поддержки. Здесь мы рассматриваем неформальность как логику, выходящую за пределы не только формальной экономики, но и формального понимания здоровья.

Анализируя причины, по которым люди продолжают жить в экологически небезопасных условиях, таких как Чернобыль, не следует недооценивать возможность неформальной деятельности, которая расшатывает официальное понимание пространства и места. Ярким примером такой неформальной деятельности является рутинная, но все же нелегальная и потенциально опасная деятельность сбора продуктов питания внутри Зоны отчуждения [Davies, 2011]. Например, незаконная и весьма рискованная деятельность по сбору, потреблению и обмену грибов и ягод в лесах в пределах запретной зоны. Подобное поведение чрезвычайно распространено, несмотря на то, что эти продукты питания относятся к наиболее вредным в зоне ядерного поражения, и известно, что рост зарегистрированных случаев заражения населения совпадает с сезоном такого сбора урожая [Botsch, 2001].

Сбор металлолома в Зоне отчуждения также является ключевым в спектре неформальной деятельности, которая имеет место в этой маргинализованной зоне ядерного поражения. Запрещенный акт пересечения ядерной границы, с целью вывезти (и продать) бесхозные обломки из Зоны способствует неформальному пересмотру статуса жителей Чернобыля как пост-ядерной “голой жизни”. Это стало возможным на основании локального знания о месте и субъектности и подрывает официальные правила ядерного “пространства исключения” [Agamben, 2005]. Стена вокруг Чернобыльской зоны отчуждения — это физическое воплощение провалившейся попытки государства сдержать опасную радиацию. Она не останавливает радиацию низкого уровня, так же как и не препятствует неформальным приливам и отливам людей и товаров внутри Зоны — об этом свидетельствуют множество

брешей в стене в человеческий рост, которые можно найти вдоль всей границы между “чистым” и “нечистым” пространствами. Однако неформальное поведение предполагает не только опасность и риск, связанные с радиацией: “...милиция иногда ждет в лесу и ждет пока вы пересечете границу, а потом ловит вас. Зависит, на кого попадешь, может, и удастся откупиться”.

Несколько участников описывали, как они выносили металлолом из Зоны, собирая его в пустующих домах по ту сторону стены. Один участник описал процесс продажи металлолома: “...разным перекупщикам. Мы его относим на заводы, где его измельчают, переплавляют и смешивают с другими металлами...” С этого момента он попадает в формальную экономическую сферу и “найти или отследить его невозможно”. Он становится невидимым. Повсеместное, но все же невидимое присутствие неформальности также существует внутри “плавающих туманов” (“floating mists”) [Lefebvre, 2000: p. 98] чернобыльского пространства исключения, которое не угрожает маргинализированному населению, а помогает наладить повседневную жизнь в контексте фактической государственной изоляции.

Выводы

Несмотря на то, что Чернобыль является весьма ограниченной географической зоной в Украине, мы бы предположили, что приведенные выше микроданные можно использовать для некоторых выводов, справедливых для более широкого постсоветского пространства и за его пределами. Начиная с чисто денежных операций, которые можно рассматривать в рамках глубоко экономической логики, в этой статье мы попытались дать более системное объяснение тех серий обменов, которые происходят в регионе. Проанализированные операции, как мы предполагаем, могут рассматриваться как единое целое, как система, занимающая вакантное место в области всеобщего благосостояния в регионе, где государство неофициально отказалось от исполнения своей роли.

Для многих маргинализированных индивидов, несмотря на уверенность, что Чернобыль стал причиной распространенных болезней, риск для здоровья от невидимой радиации менее страшен, чем осязаемая реальность остаться без сетей социальной поддержки после переезда и без возможности использовать местную неформальную экономическую тактику. С точки зрения государства, регион, выполняющий маргинальную роль в экономике и политике, является бесперспективным и не заслуживает по крайней мере того же внимания, что и остальные области.

Через описание чернобыльского ландшафта как пространства исключения данная статья показывает, что неформальная деятельность является основным способом разшатывания официальных правил пространства и реальности “голой жизни” [Agamben, 1998]. Неформальное поведение является ответом на фактическую изоляцию со стороны государства, которая сталкивает уязвимых жителей Чернобыля лицом к лицу со скрытым насилием и губительной радиацией, и уклоняющегося государства.

Тем не менее чувство изоляции совпадает с интенсификацией социальных сетей, неофициальным пониманием риска и неформальной деятельностью, создавая возможности для жизни внутри зоны ядерного поражения, что не может считаться “незаконным”. Понятие незаконного связано с

действиями, направленными против государства. Если же государство отказывается от региона или от предоставления услуг, то каким образом механизмы выживания могут быть “незаконными”?

Источники

Амджадин Л. Постчернобыльский социум: риски и шансы выживания / Л. Амджадин, Ю. Саенко, Н. Ходоровская // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 4. — С. 126–146.

Agamben G. Homo sacer: Sovereign power and bare life / Agamben G. — California : Stanford University Press, 1998.

Agamben G. State of exception / Agamben G. — L. : The University of Chicago Press, 2005.

Atlas: Ukraine radioactive contamination commissioned by ministry of Ukraine of emergencies for Ukraine / Ministry of Emergencies of Ukraine. — Kyiv : Intelligence Systems GEO, 2011.

Botsch W. Investigation of the radiation exposure of inhabitants of contaminated areas in northern Ukraine / Botsch W., Romantschuk L.D., Beltz D., Handl J., Michel R. — S.l. : Centre for Radiation Protection and Radioecology, 2001.

Bürkner D. The Chernobyl landscape and the aesthetics of invisibility / D. Bürkner // Photography and Culture. — 2014. — № 7(1). — P. 21–39.

Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference / Chakrabarty D. — Princeton : Princeton University Press, 2000.

Cook I. Follow the thing: papaya / I. Cook // Antipode. — 2004. — № 36(4). — P. 642–664.

Corruption: Anthropological perspectives / D. Haller, C. Shore (Eds.). — L. : Pluto Press, 2005.

Czegledy A. Urban peasants in a post-socialist world: small-scale agriculturalists in Hungary / A. Czegledy // Post-socialist peasant. Rural and urban constructions of identity in Eastern Europe, East-Asia and the former Soviet Union / P. Leonard, D. Kaneff (Eds.). — N.Y. : Palgrave, 2002. — P. 200–221.

Danzer A. The long-run consequences of Chernobyl: Evidence on subjective well-being, mental health and welfare [Electronic resource] / A. Danzer, N. Danzer // CESifo working paper series. — 2014. — № 4855. Access mode :

http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2463587. — On 01.08.14 (s.a.).

Davies T. Nuclear mushrooms: attitudes to risk and the state through food consumption in the Chernobyl border region / T. Davies // Universitas 21 graduate research on food proceedings. — Nottingham University, Malaysia Campus, June, 2011. — P. 92–96.

Davies T. A visual geography of Chernobyl: double exposure / T. Davies // International Labor and Working-Class History. — 2013. — № 84. — P. 116–139.

Davies T. Ukraine's other crisis: living in the shadow of Chernobyl — where victims receive just 9p a month and are left to fend for themselves [Electronic resource] / T. Davies // Independent Newspaper. — 2014. — Apr. 27. — Access mode : www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraines-other-crisisliving-in-the-shadow-of-chernobyl-where-victims-receive-just-9p-a-month-and-are-left-to-fend-for-themselves-9293832.html. — On 01.08.14 (s.a.).

Davis M. Planet of slums / Davis M. — L. ; N.Y. : Verso, 2006.

Doty R.L. Bare life: border-crossing deaths and spaces of moral alibi / R.L. Doty // Environment and Planning-Part D. — 2011. — № 29(4). — P. 599.

Foucault M. Discipline and punish: The birth of the prison / Foucault M. — N.Y. : Pantheon Books, 1977.

Gaal P. Informal payment for health care and the theory of “INXIT” / P. Gaal, M. McKee // *International Journal of Health Planning & Management*. — 2004. — № 19. — P. 163–178.

Gallin D. Propositions on trade unions and informal employment in times of globalization / D. Gallin // *Antipode*. — 2001. — № 19(4). — P. 531–549.

Geertz C. The integrative revolution: primordial sentiments and civil politics in the new states / Geertz C. // *Old societies and new states* / C. Geertz (Ed.). — N.Y. : Free Press, 1963.

Gentile M. Housing allocation under socialism: the Soviet case revisited / M. Gentile, O. Sjöberg // *Post-Soviet Affairs*. — 2013. — № 29(2). — P. 173–195.

Gesler W. Culture, place and health / W. Gesler, R. Kearns. — L. : Routledge, 2002.

Gibson-Graham J.K. Diverse economies: performative practices for ‘other worlds’ / Gibson-Graham J.K. // *Progress in Human Geography*. — 2008. — № 32(5). — P. 1–20.

Gilbert E. Between tragedy and farce: 9/11 compensation and the value of life and death / Gilbert E., Ponder C. // *Antipode*. — 2013. — № 46(2). — P. 404–425.

Goatcher J. Chernobyl and the sublime tourist / J. Goatcher, V. Brunson // *Tourist Studies*. — 2011. — № 11(2). — P. 115–137.

Gudman D.J. Promoting diversity and social justice / Gudman D.J. — L. : Sage Publications, 2001.

Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state / A. Gupta // *American Ethnologist*. — 1995. — № 22(2). — P. 375–402.

Gurtoo A. Entrepreneurship and the informal sector: some lessons from India / A. Gurtoo, C.C. Williams // *The International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. — 2009. — № 10(1). — P. 55–62.

Harboe I. New Lithuania in old hands: Effects and outcomes of Europeanization in rural Lithuania / Harboe I. — L. : Anthem Press, 2013.

Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana / K. Hart // *The Journal of Modern African Studies*. — 1973. — № 11(1). — P. 61–89.

Hudson. The case for work/life balance: Closing the gap between policy and practice [Electronic resource]. — 2005. — P. 3. — Access mode : <http://au.hudson.com> (s.a.).

Kalmbach K. Radiation and borders: Chernobyl as a national and transnational site of memory / K. Kalmbach // *Global Environment*. — 2013. — № 11. — P. 130–159.

Kovacs B. Nannies and informality in Romanian local childcare markets / B. Kovacs // *The informal post-socialist economy: Embedded practices and livelihood* / J. Morris, A. Polese (Eds.). — L. : Routledge, 2014. — P. 67–84.

Kryshev I. Radioactive contamination of aquatic ecosystems following the Chernobyl accident / I. Kryshev // *Journal of Environmental Radioactivity*. — 1995. — 27.

Kuchinskaya O. The politics of invisibility: Public knowledge about radiation health effects after Chernobyl / O. Kuchinskaya. — MIT Press, 2014.

Laurie E.W. Who lives, who dies, who cares? Valuing life through the disability-adjusted life year measurement / E.W. Laurie // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 2014. — P. 1–13.

Ledeneva A. How Russia really works: The informal practices that shaped post-soviet politics and business / Ledeneva A. — Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 2006.

Lefebvre H. Everyday life in the modern world / Lefebvre H. — L. : Athlone, 2000.

Lonkila A. Informal exchange relations in post-Soviet Russia: a comparative perspective / A. Lonkila // *Sociological Research Online*. — 1997. — № 2(2).

Maloney W. Informality revisited / W. Maloney // *World Development*. — 2004. — № 32(7). — P. 1159–1178.

Market and society: The great transformation today / C. Hann, K. Hart (Eds.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

Morris J. Informal economies in post-socialist spaces: between illegality and extendedness / J. Morris, A. Polese. — L. : Palgrave, 2015.

Morris J. Socially embedded workers at the nexus of diverse work in Russia: an ethnography of blue-collar work informalization / J. Morris // *International Journal of Sociology and Social Policy*. — 2011. — № 3(11). — P. 619–631.

Morris J. The informal post-socialist economy: Embedded practices and livelihood / J. Morris, A. Polese. — L.: Routledge, 2014.

Newman D. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world / D. Newman // *Progress in Human Geography*. — 2006. — № 30(2). — P. 143–161.

Pallot J. Geographical differentiation in household plot production in rural Russia / J. Pallot, T. Nefedova // *Eurasian Geography and Economics*, 2003. — № 44(1). — P. 40–64.

Parkhill K. Landscapes of threat? Exploring Discourses of stigma around large Energy developments / K. Parkhill, C. Butler, N. Pidgeon // *Landscape Research*. — 2013. — P. 1–17.

Parry J.P. Introduction / J.P. Parry, M. Block // *Money and the morality of exchange* / J.P. Parry, M. Block (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Petryna A. Chernobyl's survivors: paralyzed by fatalism or overlooked by science? / Petryna A. // *Bulletin of the Atomic Scientists*. — 2011. — № 67(2). — P. 30–37.

Petryna A. Life exposed: Biological citizens after Chernobyl / Petryna A. — Oxford: Princeton University Press, 2002.

Phillips S. Chernobyl forever samatosphere: science medicine and anthropology [Electronic resource] / S. Phillips. — 2012. — Access mode: <http://somatosphere.net/test/2011/04/chernobyl-forever.html>. — On 29.07.14 (s.a.).

Phillips S. Half-lives and healthy bodies: discourses on "contaminated" food and healing in post-Chernobyl Ukraine / S. Phillips // *The cultural politics of food and eating* / J. Watson, M. Caldwell (Eds.) — Oxford: Blackwell Publishing, 2005. — P. 286–298.

Polanyi K. The great transformation / Polanyi K. — Boston: Beacon Press, 1944.

Polese A. Drinking with vova: a Ukrainian entrepreneur between informality and illegality / A. Polese // *The informal post-socialist economy: Embedded practices and livelihoods* / J. Morris, A. Polese (Eds.). — L.; N.Y.: Routledge, 2014b.

Polese A. Informal payments in Ukrainian hospitals: on the boundary between informal payments, gifts and bribes / A. Polese // *Anthropological Forum*. — 2014a. — № 24(4). — P. 381–395.

Polese A. The failure and future of the welfare state in post-socialism [Electronic resource] / A. Polese, J. Morris, B. Kovacs // *Journal of Eurasian Studies*. — 2015. — Access mode: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2014.11.001> (s.a.).

Polese A. 'Welfare states' and social policies in Eastern Europe and the former USSR: where informality fits in? / A. Polese, J. Morris, B. Kovacs, I. Harboe // *Journal of Contemporary European Studies*. — 2014. — № 22(2). — P. 184–198.

Routh S. Building informal workers agenda: imagining 'informal employment' in conceptual resolution of 'informality' / S. Routh // *Global Labour Journal*. — 2011. — № 2(3). — P. 208–227.

Rush-Cooper N. Exposures: Exploring selves and landscapes in the Chernobyl exclusion zone (PhD diss.) / N. Rush-Cooper. — Durham University, 2013.

Sasunkievich O. 'Business as casual': shuttle trade on the Belarus-Lithuania border / O. Sasunkievich // *The informal post-socialist economy: Embedded practices and livelihood* / J. Morris, A. Polese (Eds.). — L.: Routledge, 2014.

Scott J. Weapons of the weak / Scott J. — Yale University Press, 1984.

Smith A. Beyond household economies: articulations and spaces of economic practice in post-socialism / A. Smith, A. Stenning // *Progress in Human Geography*. — 2006. — № 30(2). — P. 190–213.

Statistical yearbook of Ukraine 2003. — Kyiv: State Statistics Committee of Ukraine, 2004.

Stenning A. Post-socialism and the changing geographies of the everyday in Poland / A. Stenning // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 2005. — № 30(1). — P. 113–127.

Stepurko T. Informal payments for health care services – corruption or gratitude? A study on public attitudes, perceptions and opinions in six Central and Eastern European countries / T. Stepurko, M. Pavlova, I. Gryga, W. Grooth // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2013. – Dec. – P. 419–431.

Tlaiss H. The importance of in the career success of Middle Eastern managers / H. Tlaiss, S. Kauser // *Journal of European Industrial Training*. – 2011. – № 35(5). – P. 467–486.

Ukraine: old age, disability, and survivors [Electronic resource] / SSPTW Europe // *Social Security Programs throughout the World, Europe*. – 2012. – P. 206–311. – Access mode: <http://www.ssa.gov/policy/docs/progdsc/ssptw/2012-2013/europe/ukraine.pdf>. – On 28.07.14 (s.a.).

Van der Veen M. After Fukushima: revisiting Chernobyl and the collapse of the Soviet Union / M. Van der Veen // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*. – 2013. – № 25. – P. 121–129.

Van Schendel W. Introduction: the making of illicitness / W. Van Schendel, I. Abrahams // *Illicit flows and criminal things: States, borders and the other side of globalization*. – Bloomington : Indiana University Press, 2005.

Williams C.C. A commodified world. Mapping the limits of capitalism / Williams C.C. – L. : Zed, 2005.

Williams C.C. A critical evaluation of competing conceptualizations of informal employment: some lessons from England / C.C. Williams // *Review of Social Economy*. – 2011. – № 69(2). – P. 211–237.